

Полонянкина Е. А.
**Русско-французские отношения в начале Северной войны
в отечественной историографии**

С правлением Петра I, точнее, с началом Северной войны (1700 г.), наступает новая эпоха в международных отношениях России, в том числе в русско-французских отношениях, которые с этого времени приобрели постоянный характер и превратились в важный фактор европейской политики.

Дипломатические связи России и Франции конца XVII – первой четверти XVIII в. в отечественной историографии рассмотрены лишь отрывочно, попутно, тогда как, например, русско-английские, русско-польские, русско-турецкие отношения изучены весьма основательно.

Зарождение политических отношений между этими двумя державами в течение первой половины Северной войны вызвало противоречивые оценки в отечественной историографии.

В.Е. Шутой пишет, что в условиях, когда первоклассная шведская армия стояла в центре Европы, усилия России найти себе союзников в борьбе со Швецией оказались безуспешными, в частности, все русские предложения о союзе отвергла Франция (1).

Но высказано и мнение о том, что предпринимались попытки к сближению с обеих сторон, как России, так и Франции, например, согласно планам французской дипломатии, Версаль должен был стать посредником между Швецией и Россией. Если бы удалось добиться мира на севере Европы, французы надеялись получить помощь России и Швеции против морских держав и Австрии и, таким образом, добиться выгодного для себя мира с «Великим союзом» (2).

Как считает Т.К. Крылова, первая серьёзная попытка заключить политический союз между Москвой и Парижем приходится на самое начало XVIII в., и встреча в Биржах (1701 г.) явилась следствием того, что Франции и Испании нужно было серьёзно позаботиться о новых союзниках.

Исследовательница склоняется к мнению, что версальский двор старался отвлечь Петра I от его старых союзников, Англии и Голландии, а затем, добившись мира между царём и Швецией, установить дружественные отношения России с Турцией. Однако французы стремились не к тому, чтобы поддержать Россию, хотя и обещали добиться согласия Порты на плавание русских судов в Чёрном море, а старались вывести Швецию из войны на Севере и создать в тылу у Австрии группу государств, дружественных Франции.

Т.К. Крылова оценивает французскую политику по отношению к России как колеблющуюся. Сближаясь с Петром I, французский король следовал интересам Швеции, и условия, на которых был предложен союз и посредничество Франции в Северной войне, привели к провалу в 1704 г. миссии Ж.К. Балюза. Таким образом, - заключает Т.К. Крылова, - из-за

французской нерешительности был упущен удобный для России момент закончить Северную войну, а для Франции - значительно увеличить свои шансы на победу в войне за испанское наследство.

Окончательно, по мнению исследовательницы, у Петра I исчезли сомнения по отношению к Франции после неудачи попытки А. А. Матвеева вернуть русские корабли и заключить русско-французское торговое соглашение (3).

Л.А. Никифоров считает немаловажным то обстоятельство, что одновременно с посольством де Балюза в Москву русскому послу в Копенгагене от имени французского короля были сделаны предложения об установлении дружеских отношений между двумя странами, основанных на торговых связях. В качестве гаранта дружеских намерений, как считает Л.А. Никифоров, французы предлагали своё посредничество при заключении мира между Россией и Швецией. Однако, подчёркивает исследователь, попытка поставить силы России на службу политическим интересам Франции не удалась. Пётр I, проявлявший большую заботу о развитии отечественной торговли и промышленности, заявил, что разрыв торговых отношений с Англией и Голландией нанёс бы существенный ущерб доходам русской казны. Стараясь получить выход к Балтике, царь «соблазнял» французов возможностью установления русско-французской торговли через Азов и Чёрное море, а также через Балтику, где им было бы оказано предпочтение перед англичанами и голландцами. Таким образом Пётр I надеялся на помощь Франции в турецких «делах» (4).

А. Брикнер, находя пребывание Ж. К. Балюза в Москве бесполезным, ссылается на то, что ни Франция, ни Россия в то время не видели пользы в сближении друг с другом, судя и по столь же безуспешной миссии А.А. Матвеева во Францию в 1705 г. (5)

Н.Н. Молчанов, говоря о встрече в Биржах, склоняется к мнению, что она не имела практических последствий, но тем не менее признаёт её показателем процесса расширения внешнеполитических интересов России.

Отправку в 1703 г. в Москву Ж.К. Балюза Н.Н. Молчанов связывает с тем, что Людовик XIV, против которого тогда ополчилась почти вся Европа, повсюду искал союзников. Учёный полагает, что в Версале рассчитывали побудить Россию вступить в войну против Австрии после того, как при посредничестве Франции она заключит мир со Швецией. Исследователь указывает на факт захвата двух русских кораблей французами в разгар переговоров и провал миссии А.А. Матвеева, целью которой было не только вернуть русские корабли, но и заключить русско-французский торговый договор. Н.Н. Молчанов склоняется к выводу, что следствием этих событий явился отказ русского правительства от ориентации на Париж, который не сулил России никаких выгод.

Однако явное нежелание антифранцузской коалиции поддержать Россию, по мнению Н.Н. Молчанова, привело к тому, что в Москве вновь

вспомнили о Франции. Неудача попытки такого сближения во многом была связана с действиями французского посла в Стамбуле барона Шарля де Ферриоля.

По заключению учёного, Франция в течение всего предполтавского периода Северной войны пыталась подтолкнуть Турцию к конфликту с Россией, чтобы оказать таким образом помощь Швеции (6).

Как считает В.С. Бобылев, идя на переговоры с Францией, Пётр I, разумеется, не собирался подыгрывать её антиавстрийским планам. Прежде всего он надеялся использовать Париж в качестве посредника в будущих русско-шведских мирных переговорах, а также его влияние в Константинополе для нейтрализации реваншистских устремлений правящих кругов Османской империи.

Как пишет автор, известие об успешном наступлении шведской армии на востоке в начале 1706 г. породило в Версале мысль о необходимости направить ей на помощь Турцию, что привело бы к созданию шведско-турецкого альянса, который после быстрого разгрома России можно было бы через Константинополь легко повернуть против Австрии. Свою скрытую позицию по отношению к России Версаль опровергал сообщениями о скором заключении мира на севере при посредничестве французского короля (7).

Т.К. Крылова связывает антирусскую деятельность французского посла в Турции с тем, что после крушения французских планов 1702 – 1706 гг. относительно венгерского восстания Ракочи интерес Людовика XIV к Польше сильно возрос. Занятие всей территории Речи Посполитой русскими войсками в 1706 г. вызвало недовольство французского правительства. Калишское сражение исследовательница считает рубежом и в области русско-французских отношений. Недаром после Калиша Ферриоль начал настраивать Порту против России (8).

Многие исследователи, например, А. П. Глаголева, также обращают внимание на то, что этот французский посол в Константинополе всячески старался посорить Турцию с Россией.

В представлении А. П. Глаголевой Версаль стремился через своих дипломатов в Речи Посполитой использовать медлительность Августа II с выходом из Саксонии, чтобы внести разложение в ряды приверженцев союза с Россией. Франция через своего посла в Гданьске маркиза Боньяка пыталась склонить гетмана Сенявского и польских магнатов, придерживавшихся ориентации на Россию, перейти в лагерь Лещинского, дабы тем самым лишить русское правительство последнего союзника, создать явный перевес сил на стороне Карла XII и принудить Петра I к скорейшему заключению мира на условиях, выгодных для Швеции. Таким путём, - полагает А. П. Глаголева, - Франция рассчитывала достичь своей главной цели – «освободить» Карла XII от войны с Северным союзом и использовать его в борьбе за испанское наследство (9).

В. Е. Возгрин считает, что после неудач версальского двора в этой войне у того оставалась лишь надежда привлечь на свою сторону кого-либо из монархов, участвовавших в Северной войне. Теперь французская дипломатия делала ставку и на Петра I, и на Карла XII. Однако сближение России с врагом Франции - Австрией - перед Полтавой шло успешнее, более того, цесарь уже был настолько уверен в предпочтении Петром австрийских интересов французским, что добивался предварительного решения о включении царя в число гарантов будущего мира с Францией. В. Е. Возгрин полагает, что французы из-за этого, потеряв надежду на поддержку России, активизировали в 1708 – 1709 гг. контакты со Швецией (10).

П. П. Черкасов, подчёркивая стремление Петра I к дружбе с Францией, находит, что намерения русского царя в отношении Франции в тот период сводились к стремлению ослабить поддержку Версалем короля Швеции, предложив Людовику XIV сотрудничество с Россией (11).

1. Шутой В. Е. Северная война (1700 – 1721 гг.). М., 1970. С. 83.
2. Глаголева А. П. Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением // Полтавская победа: Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С.26.
3. Крылова Т. К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // Исторические записки (далее - ИЗ), М., 1940. Кн. 7. С 115, 119, 122, 130, 144.
4. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. Б.м., 1950. С.30.
5. Брикнер А. Отношения России и Франции при Петре Великом // Сб. имп. Рус. исторического общества. СПб., 1881. Т.34. С. 264 –300.
6. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 167, 174, 215, 240.
7. Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 40, 46.
8. Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700 – 1709 гг.) // ИЗ. М., 1959. Т. 65. С. 259.
9. Глаголева А. П. Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1955. Т. 14. С. 15, 18.
10. Возгрин В. Е. Россия и Европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697 – 1710 гг. Л., 1986. С. 228 – 230.
11. Черкасов П. П. Двуглавый орёл и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке: 1700 – 1775. М., 1995. С. 15.

Попов Н.Н., Скипский Г.А.

Развертывание территориальных частей РККА на Урале в 1930-х гг.

На рубеже 1920–1930-х гг. произошло ухудшение международного положения СССР. Одним из источников военной агрессии потенциально направленной против страны стала милитаристская Япония, которая в 1931 г. напала на Китай и начала оккупацию его северо-восточных районов, провинции Маньчжурия, занимавшей приграничное положение с советским Дальним Востоком и Забайкальем. Угроза войны становилась ощутимой. 13 января 1932 г. Комиссия обороны при СНК СССР приняла постановление об укреплении Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА). Для этого 4 территориальных дивизий развертывались по штатам военного времени и передислоцировались в Приморье и